

М. М. Кушникова

**ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
СОЧИНИТЕЛЯ
ДОСТОЕВСКОГО**

(ЗАГАДКИ И ТОЛКОВАНИЯ)

Издательство
«Кузнецкая крепость»
Новокузнецк — 1992

VII. ВАЖНАЯ СТРАНИЦА В ИССЛЕДОВАНИИ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО

Кузнецк. Город счастливых, но таких коротких дней Достоевского, долго не привлекавший к себе особого внимания исследователей жизни и творчества великого романиста...

Но в московском музее Достоевского, в мою бытность там директором музея, об этом не забывали и бережно хранили выписку из томской газеты «Сибирская жизнь», где впервые появилась публикация документа о кузнецкой свадьбе Достоевского. Помню, как обрадовался этому автор столь важной для биографии Достоевского публикации, выдающийся кузнецчанин Валентин Федорович Булгаков, посетивший наш музей в марте 1956 г. Он приехал тогда из Ясной Поляны. В книге для записей посетителей по сей день хранятся строки:

«8 марта 1956 г.

Очень счастлив был посетить музей — бывшую квартиру родителей Ф. М. Достоевского, любимого моего писателя в юности. Когда-то, гимназистом, я собрал в родном городе Кузнецке материалы о пребывании в нем Федора Михайловича в 1857 г. и опубликовал эти материалы в иллюстрированном приложении к газ. «Сибирская жизнь» (Томск, 1906). Студентом познакомился я в 1907 г. с Анной Григорьевной Достоевской в Петербурге, о которой храню самые светлые, почтительные воспоминания. Достоевский сопровождал меня всю жизнь. Несколько позже, в 1909 г. к нему присоединился Л. Н. Толстой. Разве плохо выбрал я своих пророков и учителей, свой литературный идеал?

Вал. Булгаков, хранитель дома-музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне».

Валентин Федорович с нежностью вспоминал о городе своей юности (свою публикацию о кузнецком, коротком и

бурном периоде жизни Достоевского, он сделал в 18 лет!). Он гордился своей находкой, Кузнецким краем, его значением для русской культуры. Два года спустя, в октябре 1958 г., я сама оказалась в Кузнецке. Поездка в Сибирь задумана была давно. О том, как много теряет читатель, не зная тех мест, где жил писатель, и какое огромное влияние они оказывали на его душу, как много говорят о нем дома, улица, где он жил, для понимания психологии его творчества, и особенно для постижения произведений такого писателя, как Достоевский, говорил нам, молодым сотрудникам музея, наш дорогой наставник Николай Павлович Анциферов, автор знаменитой книги «Петербург Достоевского», основоположник той особой отрасли литературоведения, которая занимается изучением литературных мест. Командировка была дана лишь в два города — Омск и Семипалатинск, но я постаралась заехать и в Барнаул, где Федор Михайлович часто бывал по делам своей военной семипалатинской службы, и, конечно же, в Кузнецк.

Новокузнецк с первых улиц, начинающихся от вокзала, показался не захудальным, заштатным городишкой, каким был во времена Достоевского (по свидетельству его современников), а новым индустриальным городом с высокими кирпичными домами современной архитектуры (очень напоминавшими Черемушки и Юго-запад Москвы). Часто попадались магазины с вывесками: «Книги», «Автомобили». Запомнились мужественные лица шахтеров, спешивших на работу, неожиданные, редкие для тех времен иностранные делегации, приехавшие учиться добыванию руды особым способом, впервые примененным тогда в Кузбассе, и увлеченные своим благодорным делом молодые хирурги — травматологи, приехавшие в Кузнецк сразу по окончании столичных вузов. В центре города, в большом современном доме — краеведческий музей, у дверей которого напоминали о прошлом две старинные пушки, вывезенные из Кузнецкой крепости. В музее много посетителей. Достоевский хотя и не забыт, но ему посвящен лишь небольшой уголок. Зато среди сотрудников музея истинные, преданные своему делу музейщики — Константин Александрович Воронин (друг братьев Булгаковых), Маргарита Николаевна Марвина и др.

Было такое ощущение, что город бурлит, кипит, вечером сверкают огни шахт, вспыхивает где-то далеко, оче-

видно, там, где находится металлургический комбинат, красное зарево.

Помню, что в старую часть города — в Кузнецк, надо было добираться от проспекта Металлургов через огромное, не застроенное тогда поле — и вдруг неожиданная тишина, безлюдные немощеные улицы, маленькие (одноэтажные) бревенчатые дома с деревянными заборами и калитками.

Дом, в котором жил Достоевский, — в самой середине улицы его имени. Мемориальная доска между окнами, поставленная в 1930 г. Совсем близко от него, если идти вперед, удаляясь от города, тихая, широкая река Томь, а на другом берегу ее — лес (по рассказам кузнецан Достоевский, якобы, ходил туда на охоту), за домиком речонка (Рушпайка) и рощица (Топольники). Уцелели ли? И весь городок как бы притаился у подножия горы. Вдали на горе — белый Собор, а еще дальше — огромный вал с остатками крепости, в которой, по устойчивому в Кузнецке преданию, ссылочно-каторжный Достоевский, якобы, отбывал часть своего срока.

А в самом начале улицы Достоевского, там, где стояла когда-то сожженная в 1919 г. Одигитриевская церковь, в которой происходило венчание Достоевского с М. Д. Исаевой, жива была еще лиственница, помнившая Достоевского! К ней можно было подойти и погладить ее. На фотографии, сделанной мною тогда, стоит она возле белого одноэтажного домика, одного из уцелевших строений Одигитриевской церкви.

За деревянной калиткой домика Достоевского — уютный дворик с кустами сирени, крыльцо... Но войти в дом было нельзя. Музея не было. За него еще надо было бороться!

По возвращении в Москву немало заседаний, посвященных состоянию сибирских мест Достоевского, было проведено мною на Божедомке, в московском доме Достоевского. В них участвовали писатели, ученые, артисты, музейные работники. В 1965 г., 20 мая музей выступил на страницах «Литературной газеты» с открытым письмом, призывающим общественность сохранить в Кузнецке и Семипалатинске дома Достоевского. Заметка почти тридцатилетней давности называлась «Памяти великого писателя». Под ней стояли подписи: К. Федин, Л. Леонов, В. Лидин, В. Карпотин, М. Никитин, директор музея-квартиры Ф. М. Достоевского Г. Коган.

Движение по созданию музеев Достоевского в Кузнецке и Семипалатинске набирало обороты. В домах, где жил Достоевский, появились вначале народные библиотеки-читальни его имени, ставшие с годами музеями. Семипалатинская библиотека стала в 1971 году самостоятельным литературно-мемориальным музеем. Кузнецкой библиотеке им. Достоевского в 1977 г. не повезло — угрожала опасность — дом собирались снести «из-за ветхости». О музее и думать не приходилось. Интеллигенция Кузбасса, старожил Новокузнецка краевед А. И. Полосухин, журналист (автор книги, о которой ниже) М. М. Кушникова дом Достоевского отстояли. При поддержке Кемеровского отделения Союза писателей обратились в Министерство культуры РСФСР и после долгих мытарств, наконец, — 17 мая 1980 г. в ней был открыт литературно-мемориальный музей.

Ныне в Семипалатинске прекрасный литературно-мемориальный комплекс. Интересная работа по подготовке новой экспозиции ведется и в Новокузнецке. Напротив мемориального домика в двухэтажном старинном доме конца прошлого века появится литературная экспозиция. Недавно Семипалатинский музей провел (1989 г.) первые «Достоевские чтения» (на тему «Достоевский и современность») — в музее собрались исследователи жизни и творчества великого русского писателя из разных городов нашей страны. Новокузнецкий музей организовал в 1991 г. в своих стенах выставку работ художников-иллюстраторов Достоевского, из коллекции, собирающейся в течение многих лет Московским музеем Ф. М. Достоевского, выставляет в музее интересные, посвященные Достоевскому работы своих кузнецких художников.

Тогда в 1950-е, в литературоведении мало исследована была полоса жизни Достоевского, которая была связана с годами его Омской каторги и Семипалатинской ссылки. Еще менее изучен был «кузнецкий период» Достоевского. М. А. Никитин, автор одной из первых повестей, посвященных Достоевскому (вышедшей в 1956 г. в издательстве «Советский писатель» — «Здесь жил Достоевский» — о зимних семипалатинских месяцах 1854 г.) — рассказывал, что весь этот период называли «недостающим звеном биографии писателя».

Ныне появилось уже немало исследований и книг о сибирском периоде жизни Достоевского. Музейные работники Омска, Семипалатинска, Кузнецка выступают в

печати и на «Достоевских чтениях» (в Петербургском, Старорусском, Семипалатинских музеях) с сообщениями о вновь разысканных документах, касающихся Достоевского и его сибирского окружения. Среди таких публикаций заметное место занимают очерки и книги М. М. Кушниковой о малоизученных Кузнецких днях Достоевского («Остались в памяти края», Кемерово, 1984; «Кузнецкие дни Федора Достоевского», Кемерово, 1990). И книги и деятельность М. Кушниковой исполнены глубокой и действенной любовью к своему краю и ко всему, что связано в нем с Достоевским (именно она выступала в печати в защиту Кузнецкого домика Достоевского («Прииртышье», 1977). Горячая журналистская увлеченность сочетается в ее работах со строгой научной достоверностью и безупречным художественным стилем.

М. Кушникова убедительно показала уже в первых своих исследованиях, какое огромное психологическое значение имели кузнецкие дни Достоевского для его творчества. Впечатления, вынесенные им из Кузнецка в те дни, нашли отражение и в тех произведениях, которые были написаны вскоре после возвращения из Сибири («Дядюшкин сон») и в романах «Идиот», «Преступление и наказание». В новой своей книге «Черный человек сочинителя Достоевского» автор впервые в литературоведении пытается найти прямые аналогии между кузнецким периодом и повестями «Вечный муж» и «Записки из подполья», созданными Достоевским много лет спустя, далеко от Кузнецка. Такое предположение, по собственному признанию автора, может показаться читателю весьма смелым и неожиданным, тем интереснее выдвинутые гипотезы, подкрепленные вескими аргументами.

О творческой истории «Вечного мужа» существует несколько версий. На основании каких жизненных наблюдений Достоевского строился образ Трусоцкого высказывалось не одно предположение. Несомненно то, что в сюжете «Вечного мужа» отразились впечатления Достоевского, связанные с его окружением. Это заметили еще его современники. Близкий друг Достоевского поэт А. Н. Майков, прочитав только что опубликованную в журнале «Заря» повесть, написал ей, что «узнал историю Яновского и его характер». С доктором Яновским Достоевский познакомился еще в 1840-е годы, встречи их продолжались и после возвращения его из Сибири. Яновский рассказывал А. Г. Достоевской, что от Достоевского

у него не было никаких тайн. В 1860 годы Достоевскому пришлось принимать участие в семейном разладе Яновского с его женой, известной артисткой А. И. Шуберт. «Вы мне много доверили, — писал ей Достоевский, — симпатизирую во всей этой истории более Вам, чем ему» (ПСС, т. 28 (2), с. 13). В том, что эта ситуация явилась сюжетной канвой «вечного мужа», были убеждены и потомки Шуберт-Яновских, обнаружив после смерти А. И. Шуберт шкатулку с письмами... «История дружбы Достоевского с С. Д. Яновским и ее отражение в творчестве писателя» — явилась в декабре 1959 г. в нашем московском музее темой одного из научных заседаний. С докладом выступила внучка А. И. Шуберт и С. Д. Яновского — Анна Михайловна Шуберт. В обсуждении его принимали участие Л. М. Леонов (постоянный посетитель наших заседаний и вечеров), М. А. Никитин, В. С. Нечаева.

У Л. М. Леонова сложилось твердое убеждение в том, что Федор Михайлович был влюблена в А. И. Шуберт, и у С. Д. Яновского, несомненно, были основания к ревности. Участники заседания называли Яновского Трусоцким, а в Вельчанинове улавливали некоторые черты Достоевского.

В. С. Нечаева, встречавшаяся с потомками Ивановых, беседовавшая с М. А. Ивановой, племянницей Ф. М. Достоевского (сестра его Вера Михайловна была замужем за А. П. Ивановым) рассказывала, что и в их семье были твердо убеждены, что в «Вечном муже» отразились впечатления Достоевского, связанные с его пребыванием летом 1866 года в Люблине в семье Ивановых. На это указывает в своих воспоминаниях и А. Г. Достоевская (...в лице семейства Захлебинных Федор Михайлович изобразил семью своей родной сестры Веры Михайловны Ивановой) и М. В. Волацкий (автор книги «Хроника рода Достоевского. 1906—1933», изданной в Москве в 1933), также беседовавший с М. А. Ивановой, собирая устные и письменные характеристики, он встречался с живущими и представителями рода Достоевского и другими представителями семейства Ивановых; он отмечает, что в семье находили сходство Трусоцкого с племянником Достоевского врачом А. П. Карепиным (сыном сестры его Варвары Михайловны), отличавшимся многими странностями, что в эпизоде сватовства Трусоцкого к Наде воспроизведены мечты Карепина о женитьбе на шестнадцатилет-

ней. («Женился он значительно позже, в возрасте более 60 лет. Будучи крайне ревнивым, он боялся и избегал гем бы то ни было знакомить свою жену» — свидетельство М. А. Ивановой («Хроника», с. 169) «Карепин — Трусоцкий, Достоевский — Вельчанинов» — читаем в черновиках Волацкого (ЦГАЛИ). А прототипом Александра Лобова, счастливого соперника Трусоцкого, послужил, по словам А. Г. Достоевской, сын Марии Дмитриевны Исаевой, Паша. Он тоже жил вместе с Достоевским и семьей Ивановых летом 1866 года в Люблине под Москвой. Однако нельзя забывать, что в те люблинские дни веселости и спокойствия Достоевский создает пятую часть романа «Преступление и наказание» — одну из сильнейших сцен романа, исполненной глубокого драматизма и сострадания к униженным и несчастным,— смерть Катерины Ивановны, в образе которой — одном из величайших художественных достижений Достоевского — отразился образ сострадающей Марии Дмитриевны. В рабочей тетради к «Преступлению и наказанию» рядом с записями к этой главе, сделанными в Любlinе, Достоевский, расставшись с молодежью, вернувшись на свою дачу, склонившись над тетрадью, выводит каллиграфически имена своих любимых племянников и их друзей (Он наделит ими будущих Захлебинных в «Вечном муже»). Веселые люблинские впечатления переплетаются с сердечным волнением Достоевского, грустными и никогда не покидающими его воспоминаниями о Марии Дмитриевне, которая так много значила в его жизни. Память сердца и люблинские волнения, веселые и грустные, как бы смыкаются в его творческом сознании и вновь вспыхивают много лет спустя, в его работе над «Вечным мужем». Так что предположение М. Кушниковой, что в образе героини «Вечного мужа» улавливаются черты Марии Дмитриевны, а коллизия повести довольно точно воспроизводит «Кузнецкий узел», вполне, на наш взгляд, психологически оправдана. Что такое предположение не было выдвинуто ранее А. Г. Достоевской и прочими родственниками писателя, вполне объяснимо. «Грозное чувство» Достоевского к М. Д. Исаевой долго и старательно замалчивалось из-за ревнивого отношения к ней А. Г. Достоевской и более чем прохладного отношения к ней же родни писателя.

Известно, что история создания всякого произведения зависит от многих объективных обстоятельств и фактов,

но определяется все же, в конечном счете, субъективными особенностями автора. Достоевский в своих произведениях всегда говорил о том, что им было лично пережито. Его убеждение — «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего одним или несколькими сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно. В этом дело поэта. Из этого впечатления развивается тема, план, стойкое целое. Тут уж дело художника» («Литературное наследство», т. 74, с. 64). «Грозное чувство» на всю жизнь осталось одним из сильнейших впечатлений в творчестве Достоевского.

Творческая история каждого романа Достоевского начиналась задолго до того, как в его черновых тетрадях появлялись первые рабочие заметки, многие образы и ситуации возникали в других его романах и рассказах значительно раньше, даже за много лет. Поразившие его воображение и заставившие его задуматься еще в давние годы факты не исчезали в его памяти, а откладывались в ней, как бы накапливаясь, и вспыхивали вновь в уме и сердце при создании произведения, в котором он продолжал отстаивать волновавшую его всю жизнь идею или возвращался к личным мотивам, не дававшим ему покоя.

Например, впечатления от фактов действительности, «выжитых» (любимое слово Достоевского) Достоевским в самом начале 1860-х г. и в период создания романа «Преступление и наказание», вспыхивали в его творческом сознании при создании романов «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Возвращающиеся образы и повторяющиеся ситуации являются, по мнению исследователей творчества Достоевского, основой его повествовательного искусства. Например, все больные, чахоточные женщины с подозрительным румянцем на бледных щеках сохраняют черты, общие с Марией Дмитриевной Исаевой.

Признано также, что в работе над «Вечным мужем» Достоевский воспользовался своими *сибирскими* впечатлениями. Его семипалатинский друг, свидетель его кузнецких волнений А. Е. Врангель с нетерпением ожидал появления «Вечного мужа», ожидал найти в нем воплощение их сибирской жизни, и особенно того, что касалось их тогдашних любовных переживаний, развивающихся одновременно. Считалось, что в образе Натальи Васильевны Трусоцкой отразились некоторые черты ге-

роини семипалатинского романа А. Е. Врангеля. М. М. Кушникова впервые находит немало совпадений реалий «грозного чувства» Достоевского даже с незначительными подробностями в повести «Вечный муж» и прототипами Трусоцкого убедительно называет А. И. Исаева, а Натальи Васильевны — М. Д. Исаеву. Точно так же убеждают и приведенные автором аналогии в «Записках из подполья». Однако, поскольку в суждениях о таком писателе, как Достоевский, необходима предельная осторожность, и автор «Черного человека сочинителя Достоевского» это понимает вполне, — М. Кушникова называет свои разыскания «загадками толкованиями». В частности, очень интересны суждения о поисках исповедального, автобиографического письма Достоевского к кузнецкому священнику. Также автор высказывает предположение, что повесть «Вечный муж» в первоначальном замысле именовалась «Исповедью». Интересно отметить, что именно так называют и роман Достоевского «Преступление и наказание». Но не является ли для нас все творчество Достоевского, великого гуманиста и психолога, всю жизнь решавшего вопросы человеческого бытия и загадку собственной личности, огромной исповедью, «исповедью горячего сердца», как называет одну из глав своего последнего романа!

«Черный человек сочинителя Достоевского» — так названа одна из глав, особенно интересная и прекрасно написанная, с присущей автору эмоциональностью, ставшая стержнем книги, которая, несомненно, вызовет интерес не только у исследователей творчества Достоевского, но по своим художественным достоинствам и у самого широкого круга читателей.

Кандидат филологических наук,
литературовед Г. Коган.
Москва.